

Идейно-теоретические основания Российской империи: православие, самодержавие, народность

Г.Т. Сардарян¹ 

¹Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД Российской Федерации (МГИМО МИД России)
пр. Вернадского, д. 76, г. Москва 119454, Российская Федерация

✉e-mail: sgp@inno.mgimo.ru

Резюме

Актуальность. В условиях совершенствования российской государственности вопросы ее идейно-теоретических оснований приобретают особую актуальность.

Цель работы – рассмотреть идеологию Российской империи как специфическую форму цивилизационной идентичности и политической легитимации.

Задачи: проанализировать соотношение цивилизации и империи; провести анализ триады «православие, самодержавие, народность» и механизмов её институционального воспроизводства через Церковь, армию, бюрократию и систему образования.

Методология. Методологическую основу работы составляют историко-философский и цивилизационный подходы, позволяющие рассматривать Российскую империю как уникальный политико-культурный феномен, в котором сакральные и культурные основания сочетаются с институциональной практикой интеграции многонационального пространства. В качестве исследовательских подходов используются анализ идейных конструкций, сопоставление официальных доктрин и альтернативных нарративов легитимности, а также изучение практик трансляции идеологии в общественную жизнь.

В результате проведенного анализа уточнена онтология «цивилизационного» через призму имперской формы, выявлены закономерности взаимодействия религиозно-культурных и политико-институциональных факторов в построении легитимности. Практическая значимость исследования определяется возможностью использования исторического опыта Российской империи для осмысления современных стратегий политической консолидации, укрепления национальной идентичности и противостояния идеологической фрагментации в условиях многополярного мира.

Выводы. Устойчивость Российской империи обеспечивалась сочетанием универсальной религиозно-культурной основы и гибкой адаптации к региональному многообразию, однако кризис легитимности наступил тогда, когда официальная идеология утратила способность мобилизовать общество и конкурировать с альтернативными нарративами – либеральными, социалистическими и национальными, которым преимущественно следовали представители элиты.

Ключевые слова: Российская Империя; триада «православие – самодержавие – народность»; цивилизация; государственная идеология; политическая мысль; традиционные ценности.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Сардарян Г.Т. Идейно-теоретические основания Российской империи: православие, самодержавие, народность // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2025. Т. 15, № 5. С. 181–192. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-5-181-192>.

Поступила в редакцию 16.09.2025

Принята к публикации 01.10.2025

Опубликована 31.10.2025

Ideological and theoretical foundations of the Russian Empire: Orthodoxy, autocracy, nationality

Henry T. Sardaryan¹ 

¹ Moscow State Institute of International Relations (University) MFA (MGIMO University)
76 Vernadsky Ave., Moscow 119454, Russian Federation

 e-mail: sgp@inno.mgimo.ru

Abstract

Relevance. In the context of the improvement of Russian statehood, the issues of its ideological and theoretical foundations are becoming particularly relevant.

The purpose of the work is to consider the ideology of the Russian Empire as a specific form of civilizational identity and political legitimization.

Objective. To do this, it is proposed to solve the following tasks: to analyze the relationship between civilization and empire; to analyze the triad "Orthodoxy, autocracy, nationality" and the mechanisms of its institutional reproduction through the Church, the army, the bureaucracy and the education system.

Methodology. The methodological basis of the work consists of historical, philosophical and civilizational approaches that allow us to consider the Russian Empire as a unique political and cultural phenomenon in which sacred and cultural foundations are combined with the institutional practice of integrating a multinational space. Research approaches include the analysis of ideological constructions, the comparison of official doctrines and alternative narratives of legitimacy, as well as the study of practices for translating ideology into public life.

Results. As a result of the analysis, the ontology of the "civilizational" is clarified through the prism of the imperial form, and patterns of interaction between religious, cultural, and political-institutional factors in building legitimacy are revealed. The practical significance of the research is determined by the possibility of using the historical experience of the Russian Empire to comprehend modern strategies of political consolidation, strengthening national identity and countering ideological fragmentation in a multipolar world.

Conclusion. The stability of the Russian Empire was ensured by a combination of a universal religious and cultural basis and flexible adaptation to regional diversity, but the crisis of legitimacy came when the official ideology lost its ability to mobilize society and compete with alternative narratives – liberal, socialist and national, which were mainly followed by representatives of the elite.

Keywords: Russian Empire; triad "Orthodoxy – autocracy – nationality"; civilization; state ideology; political thought; traditional values.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Sardaryan H.T. Ideological and theoretical foundations of the Russian Empire: Orthodoxy, autocracy, nationality. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2025;15(5):181–192. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-5-181-192>.

Received 16.09.2025

Accepted 01.10.2025

Published 31.10.2025

Введение

Современный этап развития мировой политики постепенно ведет к формированию консенсуса о необратимости многополярного устройства, которое, однако, понимается разными центрами силы и традициями философской мысли совершенно по-разному. Дискуссии и споры, как правило, разворачиваются вокруг критериев выделения тех или иных полюсов, с отсылками к экономическим

индикаторам, военной мощи и многим другим количественным показателям.

Не отрицая значимости упомянутых факторов, представляется, тем не менее, что полюсы, в поисках которых сталкиваются точки зрения разных авторов и мыслителей, в современном мире будут сформированы не только по экономическим и военным показателям, но и значительно более глубинным и фундаментальным основаниям. Несправедливо забытая в эпоху окончания холодной вой-

ны цивилизационная теория, казалось, безвозвратно проиграла в борьбе либеральному универсализму с его простыми решениями, одинаковыми институтами, правовым регулированием и секулярной этикой. Однако, возможно, именно простота универсализма предопределила невозможность его практической реализации в мире со столь сложными и разнообразными ценностными системами, культурными и религиозными традициями.

Вновь обретя к себе пристальное внимание, цивилизационная теория проходит через определенную трансформацию, в которой необходимо смотреть на нее не через призму столкновения, а скорее взаимодействия совершенно разных центров, вокруг которых объединяются различные народы. А это, в свою очередь, диктует важность изучения опыта предшествующих цивилизаций для понимания закономерностей их зарождения, развития и упадка.

С этой точки зрения нового взгляда требует и осмысление онтологии цивилизационного. Для понимания того, что есть цивилизация, следует посмотреть на привычные понятия и сущности в новом свете. Одним из таких новых веяний могло бы стать пристальное изучение империй как политической формы организации цивилизации.

Что у них общего? И цивилизации, и империи объединяют огромные территории и народы, часто совпадая в границах. Они обладают одним культурно-ценностным ядром, самоопределяются через высшее предназначение и стремятся к обретению максимально допустимого статуса универсального порядка устройства и ценностей для разных этносов. Ключевое различие заключается в том, что империя является политической формой попытки этой интеграции разных народов и этносов в единый строй.

Методология

Изучение идеологических основ Российской империи и механизмов их

распространения представляет собой ключевой элемент для понимания исторической динамики российской государственности и современных процессов формирования национальной идентичности. Официальная имперская доктрина «православие, самодержавие, народность» выполняла не только консолидирующую функцию, обеспечивая лояльность различных слоев общества, но и создавалась как средство интеграции многоэтнического и многоконфессионального населения в единую систему управления. Анализ этих идей позволяет выявить способы, посредством которых государство формировало моральный и политический авторитет, а также оценить, каким образом альтернативные нарративы подрывали легитимность центральной власти.

В современном контексте эта проблематика приобретает особую значимость. Российская научная и политическая мысль все чаще опирается на концепцию государства-цивилизации, в которой Россия рассматривается не только как территориальное образование, но и как уникальный культурно-цивилизационный комплекс с собственной системой ценностей, институциональных практик и исторической миссии. В условиях формирования многополярного мира, где традиционные и западные модели легитимности конкурируют, осознание исторических механизмов консолидации общества становится стратегически важным для укрепления национальной идентичности и устойчивости государства.

Особое внимание современная Россия уделяет сохранению и продвижению традиционных ценностей, которые рассматриваются как фундамент интеграции общества и основа легитимности власти. Исследование имперской идеологии позволяет выявить исторические подходы к объединению многонационального населения вокруг русской идентичности через религиозные, культурные и политические символы, а также понять ограничения и риски, связанные с утратой этих ценно-

стей. Таким образом, историко-философский анализ идей, которые обеспечивали устойчивость Российской империи, открывает возможности для выработки стратегий современной политической консолидации, укрепления институциональной легитимности и формирования национального консенсуса в условиях глобальной конкуренции идей.

Главным идеологическим стержнем империи являлась православная традиция, соединённая с идеей «симфонии властей». В русской политико-религиозной культуре укоренилась концепция Москвы как «Третьего Рима», впервые сформулированная в начале XVI в. старцем Филофеем: «Два Рима пали, третий стоит, а четвёртому не быть». Эта формула «закрепила мессианское представление о России как хранительнице истинной веры и последней опоре христианской цивилизации. Идея Третьего Рима превратила русскую государственность в религиозно-историческую миссию» [1].

Политическая система Российской империи основывалась на представлении о священном характере царской власти. Самодержавие мыслилось не просто как форма правления, но как религиозная миссия. Иван Ильин утверждал, что самодержавие было не столько политическим устройством, сколько духовным явлением – образом служения государя Богу и народу [2]. Власть монарха мыслилась теологически, в качестве дара Бога и гарантии целостности многоэтнической империи.

Ключевым элементом имперской идеологии стало представление о народе не только как о совокупности подданных, но как о духовно-культурном сообществе, объединённом верой и исторической судьбой. В XIX в. это выразилось в официальной триаде графа С.С. Уварова: «Православие, самодержавие, народность». По словам Н.А. Бердяева: «...народность понималась не как демократия, а как особая духовная цельность, противоположная индивидуализму Запада» [3]. Идея «соборности», разработанная славянофи-

лами (А.С. Хомяков, И.В. Киреевский), подчеркивала органическое единство личности, народа и церкви.

Российская империя развивалась как многонациональное и многоконфессиональное образование, объединённое русским этносом на основе православной культуры. В отличие от колониальных империй Запада, Россия стремилась интегрировать народы через политику «православного универсализма» и принципа лояльности императору. Это создавало особый «цивилизационный» характер империи, где политическая власть оправдывалась не только военной силой, но и идеей культурно-религиозной миссии.

Результаты и их обсуждение

Идеологические основания Российской империи формировались на протяжении нескольких столетий и носили многослойный характер. В отличие от западноевропейских государств Нового времени Россия не имела единой кодифицированной [4] политической доктрины, однако в её культурной и политической традиции сложился целый комплекс идей, которые можно рассматривать как своеобразную «имперскую идеологию».

Зарождение её фундаментальных принципов относится к XVI в., когда Московское княжество укрепило свою независимость и стало претендовать на роль центра православного мира.

Параллельно в XVI в. происходит институционализация самодержавной власти. Венчание Ивана IV на царство в 1547 г. стало актом, закрепившим сакральный характер монархии. Митрополит Макарий и публицист Иван Пересветов обосновывали эту власть как богоустановленную и предназначенную для защиты православной веры и народа. В дальнейшем идея самодержавия сочетала в себе элементы сакрального и рационального, в котором религиозное измерение сохранялось вплоть до конца существования империи.

Так XVII–XVIII вв. становятся временем формирования имперского универсализма. Расширение территории России со-

проводилось включением в её состав множества этнических и религиозных общин. Империя мыслилась как многонациональное пространство, объединённое верностью монарху. Екатерина II в своих «Жалованных грамотах» (1775, 1785) закрепила правовые основания этого многообразия, гарантировав определённые права сословиям и конфессиям.

В XIX в. имперская идеология получает своё официальное оформление в знаменитой триаде С.С. Уварова «Православие, самодержавие, народность» (1833). Этот принцип был провозглашён в условиях правления Николая I и стал основой государственной политики в области образования и идеологии. А.С. Хомяков и И.В. Киреевский утверждали, что «истинная свобода состоит не в произволе личности, а в соборном согласии народа, основанном на любви» [5].

Таким образом, идеология Российской империи сложилась в процессе длительного исторического развития. В XVI в. формируются её религиозно-мессианские основания в виде идеи «Третьего Рима» и сакрализации самодержавия. XVII–XVIII вв. придают этой идеологии институциональные формы через универсализм и патернализм. В XIX в. она получает своё официальное выражение в доктрине Уварова и философском развитии идеи «соборности». В совокупности эти элементы сформировали особую цивилизационную идентичность России, отличающую её как от западных колониальных империй, так и от национальных государств модерна.

Вопрос о носителях и институтах, которые обеспечивали воспроизводство имперской идеологии, является ключевым, поскольку сами идеи не существовали в вакууме, они всегда нуждались в институциональной опоре и в «трансляторах», которые внедряли их в массовое сознание.

Прежде всего, фундаментальную роль играла Православная церковь. Именно она была главным носителем идеи «Третьего Рима» и сакрализации

самодержавия. Через богослужение, проповедь, иконографию и церковное право Церковь закрепляла представление о государе как о «помазаннике Божьем» и хранителе истинной веры. Митрополит Макарий в XVI в., составляя Великие Четьи-Минеи, фактически создавал единый «пантеон святых Русской земли», что легитимировало статус Москвы как духовного центра. После реформ Петра I и учреждения Синода (1721) Церковь фактически стала частью государственного аппарата [6]. Каждый православный подданный империи с детства был вовлечён в систему церковной жизни: крестины, венчание, исповедь, причастие – все эти практики сопровождались молитвами за государя, которые напоминали о том, что царь есть «помазанник Божий». Лояльность императору становилась частью религиозного мировоззрения. При этом империи удавалось адаптировать религиозно-культурную политику по мере расширения границ государства. В Прибалтике, в Украине и в Белоруссии активно велась политика обращения униатов в православие. На Кавказе и в Средней Азии православие не навязывалось населению, а подданным гарантировалась свобода вероисповедания при условии лояльности императору. Религиозная политика сочетала миссионерский импульс с прагматизмом. Как пишет А. Каппелер, «в отличие от западных колониальных империй, Россия часто стремилась не к полному обращению населения, а к его политической интеграции» [7].

Важным носителем этих идей являлся институт самодержавия в лице императора и двора. Венчание на царство было актом, символически закреплявшим сакральный характер власти. Государь рассматривался как «отец народа», а его личность становилась символом политической лояльности. Даже в эпоху секуляризации XVIII в. риторика «богоустановленности» монархии сохранялась, особенно в манифестах и законодательных актах. Сакрализация монархической власти означала, что подданные восприни-

мали государя не просто как правителя, а как сакрального субъекта. Это выражалось, например, в ритуале присяги: каждый чиновник, военный и студент приносил клятву верности императору, а не абстрактному «государству». Такая персонализация власти создавала прочную систему личной преданности. На региональном уровне сакрализация монархии транслировалась через символические практики в форме торжественных молебнов в честь императорских праздников, повсеместного размещения портретов государя в губернских учреждениях, чтения манифестов в храмах. Для нерусских народов монарх представлялся не только как «правитель», но и как защитник традиционного уклада. Так, в Казанской губернии императорская власть нередко осмыслялась мусульманскими элитами как гарантия порядка и покровительство их общинам (уммам). Это позволяло совмещать универсальный принцип сакрального самодержавия с локальными формами легитимности.

Третьим важнейшим каналом трансляции идеологии была государственная бюрократия, особенно после реформ Петра I. Система Табели о рангах (1722) оформила служение государю как универсальный принцип социальной мобильности. Таким образом, бюрократия была не просто административным аппаратом, но и институтом воспитания лояльности, внедряя модель государства как отечества в повседневную жизнь. Как писал В.О. Ключевский: «...служилое государство у нас было школой для всего общества» [8]. С XVII в. Россия формировалась как «служилое государство», где служба государю была не только обязанностью, но и главным критерием социальной идентичности. Административная практика сопровождалась постоянной риторикой о «благодетельной власти монарха» и «долге подданных». Администрация не просто выполняла функцию управления, но и воспроизводила образ государства как отеческой силы, требующей преданности и служения. Та-

бель о рангах превратила служение государю в универсальный социальный лифт: продвижение по службе стало зависеть не от происхождения, а от личной преданности и исполнения обязанностей. Это обеспечивало управляемость, т. к. бюрократия была заинтересована в поддержании самодержавного порядка, ведь ее статус и привилегии были производны от монарха. Административные практики, такие как отчетность, рекрутские наборы, сбор податей, сопровождались постоянным воспроизводством риторики служения. В губерниях центральная бюрократия успешно справлялась с задачей привлечения местных элит [9]. Так, в Прибалтике дворянство сохраняло свои права и лютеранскую веру, но входило в имперскую административную систему. В Финляндии сохранялась автономная правовая система, однако генерал-губернатор подчинялся непосредственно царю. В мусульманских регионах часто использовалась практика косвенного управления через местных беев и мулл. Такая политика делала имперскую идеологию гибкой, т. к. универсальные принципы самодержавия и служения воплощались через адаптированные формы местного управления.

В XIX в. особое значение приобрела система образования, находившаяся под контролем Министерства народного просвещения. Именно здесь триада С.С. Уварова «Православие, самодержавие, народность» получила своё практическое воплощение: школьные программы и университетская жизнь строились с ориентацией на лояльность к государю и православию. Содержание образования было направлено не только на передачу знаний, но и на воспитание подданных империи [10]. В «Уставе гимназий и училищ уездных, ведомых университетами» (1828) прямо указывалось, что целью обучения является «укрепление в юных сердцах веры, преданности самодержавию и любви к отечеству». Исторические курсы преподавались через призму Карамзина, который в своей «Истории гос-

ударства Российского» оправдывал самодержавие как естественный и благодетельный принцип российской государственности. Образовательная система формировала поколение элиты, ориентированное на идеологическую лояльность и воспроизводившее государственный нарратив. Важно отметить, что идея «народности» в регионах адаптировалась через политику «русификации», но она никогда не означала полного уничтожения локальных идентичностей. В губерниях с сильными этническими и конфессиональными традициями (например, в Прибалтике или Финляндии) власть допускала сохранение культурной автономии, если та не противоречила верности престолу. В то же время в образовательной политике акцент делался на изучение русского языка и истории как средств приобщения к «великодержавной культуре».

Не менее важным каналом были армия и флот. Военная служба рассматривалась не только как долг перед государством, но и как форма приобщения к имперской идентичности. Парадная культура, военные уставы и ритуалы [11] – всё это воспроизводило представление о единстве монарха, армии и народа. Символично, что многие ключевые идеологические тексты, например, манифесты о войне 1812 г., апеллировали к воинскому подвигу как выражению «народности». Солдаты и офицеры присягали верности императору, а военные уставы закрепляли представление о службе как о религиозно-нравственном долге. Кроме того, армия была пространством интеграции нерусских подданных, т. к. военная служба превращала их в участников общего имперского проекта. По словам Орландо Файджеса, «армия была важнейшей школой имперской идентичности, где формировалась лояльность к престолу, а не к этнической общине» [12].

К числу носителей идеологии можно также отнести академическую и интеллектуальную элиту. Историки, философы и публицисты XIX в. (Н.М. Карамзин,

С.М. Соловьёв, А.С. Хомяков, И.В. Киреевский) формировали целостное объяснение исторического пути России как особой цивилизации, отличной от Запада. Карамзин в своей «Истории государства Российского» (1818–1829) обосновывал преемственность власти и необходимость самодержавия как стержня российской государственности.

Образование, армия, Церковь и административный аппарат действовали как взаимосвязанные каналы трансляции имперской идеологии. Через школу и университет она внедрялась в сознание элиты, через армию формировала патристическую идентичность, через Церковь закреплялась религиозно-нравственным авторитетом, через бюрократию превращалась в практику повседневного служения. Эти институты обеспечивали то, что идеи православия, самодержавия и народности переставали быть абстрактными лозунгами и становились живой частью социальной реальности Российской империи. На практике идеология империи обеспечивала лояльность и управляемость через комбинацию духовного авторитета, символических ритуалов и административного принуждения. Православие делало верность престолу частью религиозной жизни, самодержавие превращало власть в личную и сакральную, народность создавала чувство моральной общности, армия дисциплинировала подданных и формировала чувство причастности к великой державе, а бюрократия воспроизводила культуру служения. При этом идеи православия, самодержавия и народности не навязывались механически, а адаптировались к региональной специфике. В «русских» губерниях они реализовывались в прямой форме – через школу, Церковь и армию. В «нерусских» регионах делался акцент на лояльности к престолу при сохранении культурной автономии. Армия и бюрократия служили универсальными инструментами интеграции, а Церковь – главным каналом легитимации власти. Именно эта гибкость позволила импер-

ской идеологии обеспечивать управляемость и стабильность столь разнородного государства.

Изначально в XVIII в. идеологическим стержнем служил абсолютизм, подкреплённый петровскими реформами. Пётр I опирался на модель «просвещённого самодержавия», где подчёркивалась рационализация управления и милитаризация общества. Однако к первой трети XIX в. идеология приобрела более традиционалистский характер. Формула Уварова «православие, самодержавие, народность» стала, в первую очередь, ответом на угрозы европейских революций и идеям либерализма. Во второй половине XIX в., после реформ Александра II, идеи «народности» начали испытывать кризис. Образование, призванное воспитывать в духе официальной идеологии, стало питательной почвой для радикальных движений. Студенческая молодёжь всё чаще обращалась к социализму и народничеству, что свидетельствовало о снижении привлекательности официальной доктрины в этих слоях общества.

К концу XIX – началу XX в. официальный дискурс самодержавия стал всё более декларативным. В условиях индустриализации, роста рабочего движения и революционных настроений идея «народности» воспринималась как искусственная. Развитие образования и рост грамотности делали население более восприимчивым к альтернативным идеологиям – либерализму, социализму, национализму. Официальная триада, по аналогии с католической политической доктриной на Западе, переставала удовлетворять запрос на социальную справедливость. В многонациональной империи идея «народности», интерпретируемая как «русскость», при активной помощи западных держав все чаще вызывала конфликт. Финны, поляки, малороссы, прибалты пытались разрабатывать собственные национальные проекты. По словам Андреаса Каппелера: «...там, где империя хотела интеграции, часто возникала национальная мобилизация» [13]. К

началу XX в. самодержавие воспринималось буржуазией и представителями прозападных элит как анахронизм. После революции 1905 г. монархия пошла на уступки и уже не могла претендовать на абсолютную сакральность, т. к. Дума и политические партии стали позиционировать себя как новые источники легитимности. Идеология Российской империи прошла путь от мобилизующего и относительно гибкого инструмента XVIII – начала XIX в. к всё более ритуализованной и декларативной системе к началу XX в. Она сохраняла силу в традиционных слоях общества (крестьянстве, армии), но утрачивала привлекательность среди буржуазии и национально активной части подданных. В этом смысле кризис имперской идеологии стал важным фактором крушения самодержавия в 1917 г.

С конца XVIII в. дворянская и университетская интеллигенция все чаще усваивала идеи европейского Просвещения. Западные течения политической философии постоянно наносили удар по стержневым основам идеологической стабильности русского государства. Уже декабристы ставили под сомнение сакральность самодержавия и предложили ограничить власть законом и конституцией. В середине XIX в. «шестидесятники» (Чернышевский, Добролюбов) подвергали критике не только самодержавие, но и саму идею «народности», считая её демагогической ширмой для крепостничества. Здесь уместно вспомнить И.А. Ильина, который отмечал, что «русская интеллигенция привыкла думать Европой и оценивать Россию европейской меркой» [14].

Увеличение числа гимназий и университетов в XIX в. парадоксальным образом привело к тому, что молодёжь становилась наиболее радикальным слоем общества. Для студентов идея «православия, самодержавия и народности» выглядела не живым содержанием, а формальной доктриной, т. к. не вписывалась в концепции западной философии, активно распространявшиеся в университетских

кругах. Отсюда рост революционных кружков, «хождения в народ» и популярность социалистических учений. Как подмечал В.О. Ключевский, «школа должна была воспитать чиновников, а воспитала нигилистов» [15].

С конца XIX в. в условиях индустриализации рабочие массы начали подвергать сомнению легитимность самодержавного государства. Для них обещания «народности» и «общего блага» не получали практического воплощения на фоне тяжёлых условий труда. В рабочей среде быстро распространялся марксизм, дававший альтернативное объяснение несправедливости, по абсолютной аналогии с западными обществами, где католическая церковь не находила возможности восполнить идеологический вакуум, возникший с появлением наемного труда. Крестьянство долгое время оставалось наиболее лояльным к самодержавию, воспринимая царя как своего заступника. Однако после отмены крепостного права и роста налогового бремени начала разрываться и эта связь. В народных волнениях конца XIX – начала XX в. нередко звучал нарратив о хорошем царе, обманутом чиновниками, что демонстрировало кризис административной части имперской идеологии, хотя сама фигура государя ещё сохраняла символическую привлекательность. Таким образом, к началу XX в. почти все социальные группы, кроме части традиционного крестьянства и чиновничества, стали оспаривать или отвергать идеологию «православия, самодержавия, народности». Это подрывало единую систему лояльности и делало государство уязвимым к революционным потрясениям.

На этом фоне в XIX – начале XX в. в Российской империи параллельно с официальной доктриной «православия, самодержавия, народности» начали формироваться альтернативные нарративы легитимности и модели лояльности, которые конкурировали с имперской идеологией и в конечном счёте подрывали её устойчивость. Сторонники западной либеральной мысли предлагали заменить сакральность самодержавия принципами право-

вого государства, конституции [16] и гражданских свобод. Здесь источником лояльности становилось не подданство монарху, а гражданская солидарность и верховенство закона. Как писал Чичерин, «истинное величие государства в праве, а не в произволе» [17]. Лояльность в этой модели означала доверие к закону и институтам, а не к личности царя. Ещё одно западное направление политической мысли, социалистическое, подхваченное народниками, а затем социал-демократами и эсерами, предлагало совсем иной источник легитимности – народ как коллективный субъект истории. У Герцена и Чернышевского речь шла о «народной правде», у марксистов – о пролетариате как движущей силе истории. Лояльность здесь формировалась не к империи и её институтам, а к «народу» или «классу». В нерусских регионах империи альтернативой «народности» становились национальные проекты. В Польше это было обращение к католицизму и польской истории как источникам идентичности и лояльности. В Финляндии – культ финского языка и «национального пробуждения». В Малороссии – народническая историография и возрождение малороссийской культуры. Эти нарративы предлагали модель лояльности не имперскому центру, а «своему» национальному сообществу [18]. Империя всё более сталкивалась с конкуренцией национальных лояльностей, претендующих на место универсальной идентичности.

Таким образом, империя к концу XIX – началу XX в. оказалась окружена и пронизана конкурирующими источниками легитимности. Каждый из них предлагал собственный ответ на вопрос «кому и зачем быть верным?», и все вместе они размывали универсальность официальной триады. Идеологическая дезинтеграция Российской империи была одним из ключевых факторов, предопределивших кризис государственности к концу XIX – началу XX в. В отличие от простого административного или экономического упадка она подрывала саму систему ле-

гитимности власти, делая государство уязвимым перед внутренними и внешними вызовами.

На территории империи одновременно существовали либеральные, социалистические, национальные и религиозные альтернативные модели лояльности. Каждая из них предлагала собственное понимание легитимности, социального порядка и гражданских обязанностей. Если раньше монархическая власть могла рассчитывать на почти всеобщее признание, то теперь различные группы опирались на конкурирующие авторитеты: закон, класс, нацию, религиозную общину. Это создало ситуацию, когда государственные институты теряли контроль над ценностными ориентирами населения, а официальная идеология становилась декларативной и символической. Идеологическая дезинтеграция напрямую сказывалась на управляемости. Армия, бюрократия и образовательные учреждения продолжали функционировать, но их эффективность снижалась. Чиновники и офицеры могли формально выполнять приказы, однако массовая поддержка со стороны населения падала. Крестьянские волнения, рабочие стачки и рост национальных движений демонстрировали, что без согласия населения административный аппарат теряет свою способность поддерживать стабильность. Идеологическая дезинтеграция стала трещиной в теле государства. Появление конкурирующих нарративов, падение морального авторитета и ослабление управляемости создавали институциональную уязвимость. В сочетании с экономическими, военными и социальными вызовами это подготовило почву для упадка государственности и революционного перелома.

К рассмотренным внутренним факторам необходимо добавить и внешнее давление, которое оказывалось на империю. Оно играло заметную роль в подрыве идеологической стабильности Российской империи, действуя на нескольких взаимосвязанных уровнях: военном, по-

литическом, культурном и интеллектуальном, усиливая внутренние противоречия и ускоряя кризис легитимности. Военные поражения и внешнеполитические кризисы напрямую подрывали доверие к самодержавию как источнику защиты и единства. К примеру, поражение в Крымской войне (1853–1856) выявило слабость армии и бюрократического аппарата, дискредитировав официальную доктрину о «могуществе и сакральной миссии государства». Поражение в Русско-японской войне (1904–1905) ускорило революцию 1905 г. Распространение либеральных, социалистических и националистических идей из Европы создавало внутренние альтернативные нарративы. Российская интеллигенция заимствовала концепции Просвещения, марксизма, федерализма и национального самоопределения, что усиливало кризис легитимности концепции «православие, самодержавие, народность» как универсального идеологического принципа. Особенно влияние западных идей было заметно среди городской интеллигенции, студентов и рабочих, которые формировали ядро критического к власти общественного мнения. Зарубежная эмиграция, революционные кружки и международные социалистические организации предоставляли платформу для критики власти и распространения альтернативных моделей легитимности. Внешнее давление усиливало внутреннюю идеологическую дезинтеграцию, создавая условия для конкуренции между официальной имперской доктриной и альтернативными источниками легитимности. Оно ускоряло распространение критических идей, ставило своей целью демонстрацию несостоятельности государства в защите национальных интересов и снижало доверие к самодержавию как моральному и политическому авторитету. В совокупности эти факторы делали идеологическую стабильность Российской империи всё более хрупкой, а в конечном счете привели к острому кризису, за которым последовало падение государственности.

Выводы

Проведённый анализ показывает, что Российская империя являлась уникальной формой политико-цивилизационной организации, в которой религиозно-культурные основания сочетались с институциональной практикой интеграции многонационального и многоконфессионального пространства. Идейно-теоретические основания империи в контексте концепции «православия, самодержавия и народности» стали не только инструментом легитимации власти, но и основой формирования особой идентичности, объединявшей подданных вокруг представлений о миссии России как хранительницы христианской цивилизации.

Ключевую роль в воспроизводстве этой идеологии играли Церковь, армия,

система образования и государственная бюрократия, обеспечивавшие её укоренение в общественном сознании. Гибкость имперской практики, способность сочетать универсальные принципы с региональной спецификой обеспечивали относительную устойчивость государства на протяжении нескольких столетий.

Однако постепенное ослабление сакрального характера самодержавия, рост влияния западных либеральных и социалистических идей, развитие национальных движений и внешнеполитические кризисы привели к эрозии идеологической целостности. К началу XX в. имперская доктрина стала восприниматься как декларативная и утратила мобилизационный потенциал, что способствовало кризису легитимности и падению империи.

Список литературы

1. Фроловский Г. Пути русского богословия. М.: Институт русской цивилизации, 2009. 849 с.
2. Ильин И.А. О сущности правосознания. М.: Парогъ, 1993. 235 с.
3. Бердяев Н.А. Судьба России. М.: АСТ, 2023. 384 с.
4. Нижник Н.С., Нудненко Л.А. История Российской империи в контексте теоретико-правового анализа (К 300-летию Российской империи) // Государство и право. 2021. № 11. С. 186-195.
5. Хомяков А.С. Письма о соборности Церкви. М.: Правда, 1988. 450 с.
6. Безик Г.И. Деятельность Святейшего Синода по руководству военным духовенством армии Российской империи в Первой мировой войне // Христианское чтение. 2021. № 1. С. 205-212.
7. Kappeler A. Russland als Vielvölkerreich: Entstehung – Geschichte – Zerfall. München: C.H. Beck, 1992. 395 p.
8. Ключевский В.О. Курс русской истории. М.: Мысль, 1987. 432 с.
9. Курач Т.Л. Правовое обеспечение территориальной целостности Российского государства в законодательстве Российской империи // Вестник. Государство и право. 2023. № 3(38). С. 12-22.
10. Фатьянов А.А., Машкин Н.А., Филиппова А.В. Основная национальная идея Российской империи XIX века и ее отражение в законодательстве XIX – начала XX веков // Былые годы. 2023. № 18(4). С. 1925-1935.
11. Милованов В.И. Основные кадетские традиции и ритуалы Российской империи // Вестник НИЦ ВА РВСН. 2022. № 5. С. 88-94.
12. Figes O. Natasha's dance: a cultural history of Russia. London: Penguin, 2002. 768 p.
13. Kappeler A. The Russian Empire: A multiethnic history. London: Routledge, 2001. 848 p.
14. Ильин И.А. О грядущей России. Париж: YMCA-Press, 1928. 368 с.
15. Ключевский В.О. Курс русской истории. М.: Мысль, 1987. 414 с.
16. Бочаров И.Е., Мирончуковская В.В. Проекты Конституции Российской империи как предшественники Конституции Российской Федерации // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2024. Т. 1, № 2(107). С. 19-28.
17. Чичерин Б.Н. О народном представительстве. М.: Тип. М. Г. Волчанинова, 1866. 552 с.
18. Минеева Е.К., Минеев А.И., Старостин А.Н. Трансформация национальной политики в XX – начале XXI века: Российская империя, СССР, Российская Федерация // Исторический поиск. 2022. Т. 3, № 2. С. 20-29.

References

1. Frolovskiy G. Ways of Russian theology. Moscow: Institute of Russian Civilization; 2009. 849 p. (In Russ.)
2. Ilyin I.A. On the essence of legal consciousness. Moscow: Rarog; 1993. 235 p. (In Russ.)
3. Berdyaev N.A. The fate of Russia. Moscow: AST; 2023. 384 p. (In Russ.)
4. Nizhnik N.S., Nudnenko L.A. The history of the Russian Empire in the context of theoretical and legal analysis (On the 300th anniversary of the Russian Empire). *Gosudarstvo i pravo = State and Law*. 2021;(11):186-195. (In Russ.)
5. Khomyakov A.S. Letters on the conciliarity of the Church. Moscow: Pravda; 1988. 450 p. (In Russ.)
6. Bezik G.I. Activity of the Holy Synod on the leadership of the military clergy of the army of the Russian Empire in the First World War. *Khristianskoe chtenie = Christian Reading*. 2021;(1):205-212. (In Russ.)
7. Kappeler A. Russia as a multi-ethnic empire: origin – history – disintegration. Munich: C.H. Beck; 1992. 395 p. (In German.)
8. Klyuchevsky V.O. Course of Russian history. Moscow: Mysl; 1987. 432 p. (In Russ.)
9. Kurach T.L. Legal support of the territorial integrity of the Russian State in the legislation of the Russian Empire. *Vestnik. Gosudarstvo i pravo = Bulletin. State and law*. 2023;3(38):12-22. (In Russ.)
10. Fatyanov A.A., Mashkin N.A., Filippova A.V. The basic national idea of the Russian Empire of the 19th century and its reflection in the legislation of the 19th - early 20th centuries. *Bylye gody = Bygone Years*. 2023;(18):1925-1935. (In Russ.)
11. Milovanov V.I. Basic cadet traditions and rituals of the Russian Empire. *Vestnik NITs VA RVSN = Bulletin of the Scientific Research Institute of the Strategic Missile Forces*. 2022;(5):88-94. (In Russ.)
12. Figes O. Natasha's dance: A cultural history of Russia. London: Penguin; 2002. 768 p.
13. Kappeler A. The Russian Empire: A multiethnic history. London: Routledge; 2001 848 p.
14. Ilyin I.A. About the coming Russia. Paris: YMCA-Press; 1928. 368 p. (In Russ.)
15. Klyuchevsky V.O. Course of Russian history. Moscow: Mysl; 1987. 414 p. (In Russ.)
16. Bocharov I.E., Mironchukovskaya V.V. Drafts of the Constitution of the Russian Empire as precursors of the Constitution of the Russian Federation. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva = Vestnik of Volzhsky University after V.N. Tatishchev*. 2024;1(2):19-28. (In Russ.)
17. Chicherin B.N. On the people's representation. Moscow: Tip. M.G. Volchaninov; 1866. 552 p. (In Russ.)
18. Mineeva E.K., Mineev A.I., Starostin A.N. Transformation of national policy in the XX – beginning of the XXI century: The Russian Empire, the USSR, the Russian Federation. *Istoricheskii poisk = Historical search*. 2022;3(2):20-29. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the Author

Сардарян Генри Тигранович, доктор политических наук, профессор, декан факультета управления и политики, профессор кафедры государственного управления, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД Российской Федерации (МГИМО МИД России), г. Москва, Российская Федерация, e-mail: sgp@inno.mgimo.ru, ORCID: 0000-0001-8515-4321

Henry T. Sardaryan, Doctor of Sciences (Political), Professor, Dean of the Faculty of Management and Politics, Professor of the Department of Public Administration, Moscow State Institute of International Relations (University) MFA (MGIMO University), Moscow, Russian Federation, e-mail: sgp@inno.mgimo.ru, ORCID: 0000-0001-8515-4321